

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

6

**Дискурс «экономики» против дискурса
«экономической системы»**

Экономический патриотизм (опыт Венгрии)

**«Истории успеха» в ситуации
«недостойного правления»**

**Межкультурная компетентность и
креативность российских студентов**

**Татьяна Заславская – путь в науку
и жизнь в науке**

**Модернизация на Тайване:
конфуцианство и капитализм**

**Самоорганизация в оптике
синергетической парадигмы**

**Традиционная культура
в полицентричном мире**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- В.Я. Гельман.** Исключения и правила: “истории успеха” и “недостойное правление” в России (часть 2) 5
- М.Е. Баскакова, И.В. Соболева, Е.С. Кубишин.** Молодежь стран СНГ на рынке труда: гендерный аспект 16
- М.А. Бульцева, Н.М. Лебедева.** Взаимосвязь межкультурной компетентности и креативности у российских студентов 31

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

- С.П. Глинкина.** Экономический патриотизм: понятие, предпосылки появления в Центральной и Восточной Европе (практика Венгрии) 45
- К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков.** Закон и борьба с дискриминацией: равенство или свобода? (Пример США) 59
- М.Р. Деметрадзе.** Модернизация на Тайване: сочетание конфуцианства с капитализмом 69

ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ

- М.А. Шабанова.** Татьяна Заславская как экономист и социолог: путь в науку и жизнь в науке 79

НАУКА В XXI ВЕКЕ

- С.П. Чернозуб.** Идеология открытой науки и перспективы блокчейна 87

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

- А.Н. Щербак, М.В. Ухватова.** От “красного пояса” – к “библейскому”: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России 98

РОССИЯ И УКРАИНА: В ПОИСКАХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

- В.И. Мироненко.** Третья украинская республика. Размышления о периодизации истории Украины 114

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- В.В. Комаровский.** Трудовая интеграция мигрантов: цель или средство? (Зарубежный опыт) 124

МЕТОДОЛОГИЯ

- О.Б. Кошовец, П.А. Ореховский.** Дискурс “экономики” против дискурса “экономической системы”: от осмысления реальности к производству смыслов 133
- М.А. Дерябина.** Самоорганизация: теоретические и методологические основания в оптике синергетической парадигмы 149
- Ю.В. Тарануха.** “Невидимая рука” Адама Смита: содержание и роль 162

КУЛЬТУРА

- О.Д. Шемякина.** Традиционная культура в полицентричном мире. Статья 2. Традиционная культура в контексте вызовов модернизации. Российский опыт в сравнительно-исторической перспективе 174
- Указатель материалов, опубликованных в журнале в 2018 году 187

CONTENTS

SOCIETY AND REFORMS

- Gel'man V.** Exceptions and rules: “success stories” and “bad governance” in Russia (part 2) 5
- Baskakova M., Soboleva I., Kubishin E.** Youth of the CIS countries in the labor market: gender aspect 16
- Bultseva M., Lebedeva N.** Interrelation of intercultural competence and creativity among Russian students 31

FOREIGN EXPERIENCE OF MODERNIZATION

- Glinkina S.** Economic patriotism: the concept, the prerequisites for the emergence in Central and Eastern Europe (the practice of Hungary) 45
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S.** Rule of law and anti-discrimination struggle: equality or freedom? (USA case) 59
- Demetradze M.** Modernization process in Taiwan: combination of Confucianism with capitalism 69

PERSONALITY IN SCIENCE

- Shabanova M.** Tatyana Zaslavskaya as an economist and sociologist: the way to science and life in science 79

SCIENCE IN THE 21st CENTURY

- Chernozub S.** The ideology of open science and the prospects of blockchain 87

RUSSIAN CIVILIZATION

- Shcherbak A., Ukhvatova M.** From “the Red Belt” to “the Bible Belt”: historical roots of the shift in Russian political geography 98

RUSSIA AND UKRAINE IN SEARCH OF MUTUAL UNDERSTANDING

- Mironenko V.** The third Ukrainian republic. Contemplation on the periodization of history of Ukraine 114

NATIONAL RELATIONS

- Komarovskiy V.** Labor integration of migrants: objectives or means? (International experience) 124

METHODOLOGY

- Koshovets O., Orekhovsky P.** Discourse of “economics” against discourse of “economic system”: from understanding Reality to the creation of meanings 133
- Deryabina M.** Self-organization: theoretical and methodological foundations in the optics of the synergetic paradigm 149
- Taranukha Yu.** Adam Smith's “invisible hand”: content and role 162

CULTURE

- Shemyakina O.** Traditional culture in a polycentric world. Article 2. Traditional culture in the context of the challenges of modernization. Russian experience in a comparative-historical perspective 174
- This journal Publications index, 2018 issues 1-6 187

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

А.Н. ЩЕРБАК,
М.В. УХВАТОВА

От “красного пояса” — к “библейскому”: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России*

Статья посвящена изучению взаимосвязи религии и политики в России с акцентом на почти не изученном территориальном измерении этого явления. Рост политического влияния РПЦ в последние годы можно частично объяснить союзом церкви и власти: приверженности власти “традиционным ценностям” в обмен на политическую лояльность церкви Кремлю. Неудивительно, что среди наиболее православных регионов наблюдается рост электоральной поддержки президента В.Путина. Парадоксальным образом к российскому “библейскому поясу” принадлежат регионы, бывшие еще 20 лет назад ядром “красного пояса”. Мы предполагаем, что это совпадение не носит случайного, ситуативного характера. Используя сравнительный исторический подход, мы показываем, что эти регионы Центральной и Южной России, Поволжья принадлежат к историческому ядру русского государства. Отказ Центра от коммунизма должен был привести к соответствующему сдвигу в историческом ядре, а консервативная повестка Центра прежде всего была принята в тех же регионах. Сравнение с наиболее изученным “библейским поясом” – протестантскими штатами на Юге США – показывает, что исторические веки в становлении религиозных поясов очень схожи: принадлежность к историческому ядру государства, преобладание принудительного труда, раскол в гражданскую войну и массовая поддержка одной политической силы. Кроме того, анализ ряда современных социально-демографических показателей “библейских поясов” в обеих странах демонстрирует, как может в будущем проявляться политическая религиозность не только в электоральной сфере, но и на уровне политики в области семьи, брака и репродуктивного поведения.

Ключевые слова: религия, политическая география, “библейский пояс”, выборы, исторический подход.

DOI: 10.31857/S086904990000379-8

Одной из наиболее заметных тенденций в политической трансформации России последних лет становится постепенное повышение роли Русской православной церкви (РПЦ). Для исследователей это ставит задачу понять, можно ли объяснить рост значимости РПЦ ситуативным изменением политической конъюнктуры или же речь идет о фундаментальных сдвигах в самом обществе. С одной стороны, социологические опросы

* Работа выполнена в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5-100”.

Щ е р б а к Андрей Николаевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ); доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Адрес: 192171, Санкт-Петербург, ул. Седова д. 55, к. 2. E-mail: ascherbak@hse.ru

У х в а т о в а Мария Васильевна – аспирант департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Адрес: 190068, Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, 123А. E-mail: maria.ukhvatova@gmail.com

показывают увеличение числа православных в России: большая часть населения идентифицирует себя с РПЦ (68%, согласно опросам ФОМ в 2014 г.) (<http://fom.ru/TSennosti/11587>). С другой стороны, ныне наиболее “православными” оказываются многие регионы бывшего “красного пояса” России, например Тамбов, Липецк, Белгород, Курск, Воронеж¹. На основании данных всероссийского опроса АРЕНА (2012 г.)² с использованием метода факторного анализа регионы были проранжированы как по степени православной религиозности, так и по преобладанию разных ее типов – “верующие активисты” и “обрядовые верующие”³. Исследование показало, что именно преобладание последнего типа, связанного с верующими, для которых наиболее важна обрядовая часть православной веры (соблюдение религиозных предписаний, регулярное исповедование и молитвы), наиболее последовательно голосует за “партию власти”. С рядом других регионов из Центральной и Южной России, Поволжья (всего 16⁴ регионов), они составляют русский “православный (библейский) пояс”, который отличается повышенной религиозностью и сплоченной поддержкой Путина на президентских выборах [Ухватова 2017]. Эти результаты совпадают с ранее проводимыми исследованиями, которые фокусировались на взаимосвязи православия, региональной политической культуры и политического поведения. Например, Р. Лункин, изучая региональную “православность”, измеряемую как долю православных общин от всех христианских общин в “русских” регионах (не менее 80% этнического русского населения), пришел к выводу, что наиболее “православные регионы” – в основном Черноземья и Юга России – на парламентских выборах 2003 г. отдавали свои голоса Единой России и “национал-патриотам” [Лункин 2008]. В более ранний период 1990-х гг. преобладали схожие тенденции: с одной стороны, наиболее “православные” регионы показывали как государственническую позицию (голосуя за сохранение СССР на референдуме в марте 1991 г.), так и прокоммунистическую [Лункин 2008]. Н. Козлов в сравнительном исследовании политической культуры России пришел к выводу, что одним из наиболее сильных факторов является “православный морализм”, выводящий на передний план вопросы веры и моральных принципов. При этом эпицентр морализма приходится на черноземные области России [Козлов 2008, с. 19]. Результаты президентских выборов 2012 г. показывают, что поддержка Путина бывшими “красными” регионами ниже (62,45%) показателя в стране в целом (71,3%). Однако если убрать этнические республики с их очень высокими показателями, она будет все же слегка выше среднего по стране (61,05%).

О связи политической ориентации населения и религиозности свидетельствуют данные таблицы 1. Мы склонны считать, что этот тренд не случаен. Так, недавний масштабный опрос Центра Пью (Pew Research Center)⁵ показал, что после распада СССР во многих странах Центральной и Восточной Европы, где атеизм ранее был частью госу-

¹ Описание “красного пояса” см., например, [Туровский 1999]

² Атлас Религий и Национальностей Российской Федерации (АРЕНА) был создан на основе данных исследования, проведенного некоммерческой исследовательской организацией СРЕДА в 2012 г. Данные представляют собой результат Всероссийского опроса и репрезентативны для Российской Федерации и для 79 ее субъектов. В вопросник включены вопросы, касающиеся религии, выполнения обрядовых ритуалов, традиционных ценностей, отношения к государству, законам, доверию окружающим и т.д. Также ответы были распределены по возрастам, полу, образованию, доходу, роду занятий. Методика опроса: а) городское и сельское население РФ в возрасте от 18 лет и старше; б) выборка составила 56 900 респондентов; в каждом субъекте РФ опрошались 500–800 человек; статистическая погрешность для РФ менее 1%; в) география опроса: 79 субъектов РФ, где проживает 98,8% населения (по данным переписи 2010 г.). Субъекты, в которых исследование не проводилось – Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ.

³ Этот список к 2016 г. почти не изменился (см. <http://sreda.org/2016/sotsiologi-opredelili-samyie-pravoslavnyie-i-samyie-musulmanskie-goroda-rossii/279875>).

⁴ Факторный анализ к этой группе еще относит Республику Северная Осетия – Алания, но мы ее в данном исследовании не рассматриваем, относя данный случай к “выбросам”.

⁵ См. доклад “Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе” исследовательского Центра Пью (Pew Research Center). (http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/?utm_source=adaptiveemailer&utm_medium=email&utm_campaign=17-05-10%20rus%20central%20eastern%20europe&org=982&lvl=100&ite=1088&lea=230903&ctr=0&par=1&trk=).

дарственной политики, на сегодняшний день религия – важная составляющая самосознания как граждан, так и наций в целом.

Таблица 1

Результаты голосования на президентских выборах за В. Путина в 2012 г. в наиболее православных регионах РФ (в %).

Регион	Итог голосования за В. Путина	Доля положительных ответов на вопрос “исповедую православие и принадлежу к РПЦ” (2012 г.)
Белгородская область	59,3	50
Тамбовская область	71,76	78
Липецкая область	60,99	71
Нижегородская область	63,9	69
Курская область	60,45	69
Пензенская область	64,27	63
Рязанская область	59,74	63
Тульская область	67,77	62
Брянская область	64,02	50
Краснодарский край	60,16	52
Воронежская область	61,34	52
Ульяновская область	58,18	60,6
Волгоградская область	63,41	54,5
Астраханская область	68,76	46
Московская область	56,85	45,5
Ульяновская область	58,18	60,6
РФ	71,31	41
РФ без республик*	61,05	–

Источник: Данные ЦИК РФ; АРЕНА 2012, * расчеты авторов.

Возникает парадоксальный вопрос, почему именно “коммунистические” регионы оказались наиболее православными среди остальных субъектов РФ? Почему десятилетия атеистической пропаганды в советский период, равно как и доминирование КПРФ в политической жизни данных регионов в 1990-е гг., не смогли воспрепятствовать возрождению религиозности уже в 2000-е гг.? Без решения этого парадокса нельзя пролить свет на иные вопросы: носит ли трансформация “красного пояса” в “православный” случайный, ситуативный характер, и какие отличия мы сможем ожидать в политическом поведении жителей данного пояса? Для поиска ответов на эти вопросы мы используем сравнительный исторический подход. Подобные аналогии – сочетание религиозности с явной поддержкой одной политической силы группой близких регионов – мы можем встретить в других странах. Один из наиболее ярких примеров – “библейский пояс” в США, включающий в себя юго-восточные штаты США (или просто “Юг”). В этой части страны население привержено евангелическому протестантизму. По политическим предпочтениям штаты “библейского пояса” – ключевая база поддержки Республиканской партии. При этом до 1960-х гг. Юг считался оплотом Демократической партии, переток южан к республиканцам окончательно произошел на выборах 1980 г.

Мы отдаем себе отчет, что подход на основе сравнительной исторической социологии, конечно, не является единственно возможным. Альтернативные объяснения тесной связи между степенью “православности” регионов и поддержкой власти на выборах могут включать как важность социоэкономических причин (например, бедность), так и социо-

культурных (например, преобладание патерналистских установок). Но все же, не отрицая значимость иных подходов, мы ставим своей целью продемонстрировать эвристический потенциал исторической социологии в российском контексте. Структура работы выглядит следующим образом. В первой части мы расскажем об исторических предпосылках появления “православного (библейского) пояса” в России; во второй сфокусируемся на истории становления самого известного “библейского пояса” – в США; в третьей проанализируем ряд социально-демографических показателей обоих религиозных поясов.

Становление русского “библейского пояса”

Какие регионы входят в русский “библейский пояс”? Это регионы Центральной России, отчасти – Южной России и Поволжья, с высокой долей приверженцев православия. Важно подчеркнуть, что ранее эти регионы входили в “красный пояс” России (см. рис. 1). Попытаемся ответить на вопрос, насколько случайным могло бы быть такое совпадение.

Рис. 1. “Красный пояс” РФ в 1990-е гг.
Источник: [Туровский 1999].

Мы предполагаем, что в появлении этого пояса на карте страны – закономерность. Данные области – историческое ядро русского московского государства, и, с одной стороны, любая власть в столице может укрепиться только с опорой на эти регионы. С другой стороны, сами эти регионы в ходе различных исторических перипетий нуждались в поддержке и защите со стороны центральной власти. В частности, это красноречиво показывает карта фронтов Гражданской войны в момент наибольшего продвижения белых армий. В ядро поддержки большевиков в 1918–1919 гг. довольно четко вписывается “красный пояс” 1990-х гг.: Курск, Воронеж, Тамбов, Липецк, Пенза (см. рис. 2). Территориальная поддержка коммунистов прошлого во многом совпадает с ареалом поддержки коммунистов в 1990-е годы. Однако это не дает пока ответ на вопрос о природе происхождения “православного (библейского) пояса”.

Больше понимания приходит при более глубоком погружении в российскую историю. Обсуждение социально-демографических истоков Октябрьской революции приводит к выводу о том, что наибольшую поддержку большевики имели в районах бывшего частновладельческого крепостного права. Большинство регионов будущего российского “православного (библейского) пояса” – как раз те, где в наибольшей степени было раз-

вито крепостничество. Так, крепостных, принадлежащих частным владельцам, по данным последней ревизии 1859 г., было от 68,94% в Тульской губернии до 2,6% в Астраханской [Тройницкий 1861]. Уровень жизни помещичьих крестьян был, как правило, заметно ниже, чем у государственных. Так, средний двор помещичьих крестьян имел надел в 8,9 десятин, а средний двор государственных – 15,1. С ростом населения размеры наделов уменьшались, а разрыв между частновладельческими крестьянами и государственными сохранялся. В связи с этим половина крестьян постоянно голодала и была готова к бунту [Нефедов 2005]. Хотя с социально-географических позиций эти данные весьма условны (при анализе надо учитывать и изменения административных границ, и миграции, и войны), но, тем не менее, на наш взгляд, они позволяют сделать определенные умозаключения.

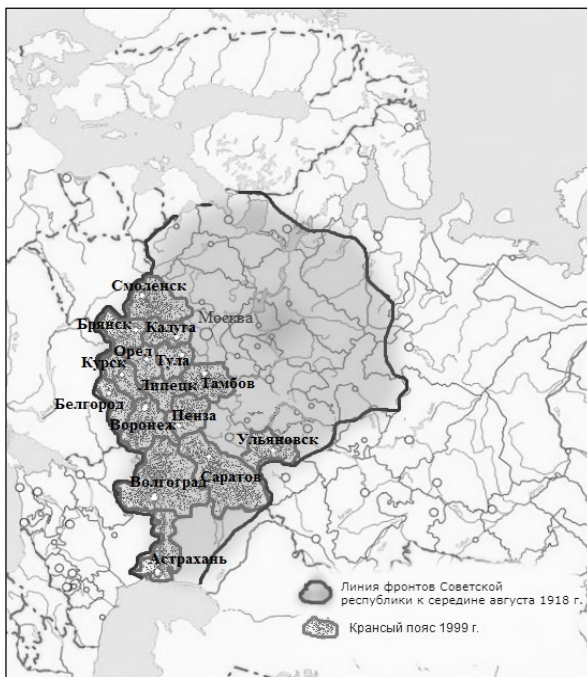

Рис. 2. Советская республика в кольце фронтов, февраль 1918 – март 1919 гг.

В то же время тяжесть жизненной ситуации диктовала необходимость обращения за помощью к тем, кто в силу сложившегося статуса и обычая должен был ее оказать, поддержать крестьян в трудную минуту. Сначала это были помещики, затем, после отмены крепостного права, – община. Причем и тот и другой тип общения, нравственного оправдания поддержки освящался православием. Такой образ жизни способствовал укоренению патерналистских настроений у жителей данных губерний. В дальнейшем, после победы Советской власти, а затем и проведения коллективизации с ее тяготами, патернализм, требования помощи со стороны как колхозов, так и центральной власти только усиливались. И если в сталинский период сельское население подвергалось сверхэксплуатации, то впоследствии, в брежневские годы, поддержка Центром этих областей была значительной (хотя и неэффективной; как известно, в те годы на стимулирование сельского хозяйства было потрачено более триллиона тогдашних рублей). Это также усиливало патерналистские настроения местного населения. В 1990-е гг. эти настроения вылились, с одной стороны, в отторжение рыночных принципов, предполагающих взятие на себя ответственности за свою судьбу, а с другой – в широкую поддержку таких партий, как КПРФ или идеологически близкой ей Аграрной партии, которые в своей агитации широко использовали

патерналистские лозунги. Однако в 2000-е гг. с увеличением у государства доходов от продажи энергоносителей и переходом к назначению губернаторов, теперь напрямую зависящих от Центра, роль “патера” сместилась в сторону центральной власти и ее представителей (тем более, что КПРФ на деле мало что могла предложить, кроме лозунгов и обещаний). А упрочение отношений центральной власти и руководства РПЦ укрепило этот новый патернализм традиционным для данных мест православием. В результате “красный пояс” оказался замененным “православным (библейским) поясом”. Тем более, что в результате был преодолен диссонанс в политическом настрое столицы и ядра страны. Ведь ее историческое ядро не может пойти против столицы. И они постепенно стали сближаться. “Консервативный поворот” третьего срока Путина в таком случае стоит считать не причиной проявления религиозного пояса, а лишь поводом.

Но, как нам представляется, все же истоки такого отношения и к власти, и к обслуживающей ее религиозной конфессии стоит искать в истории нашей страны. Сравним данные, представленные в таблице 2. Из 16 регионов русского “православного (библейского) пояса” 11 являются моноэтническими регионами (более 90% русских). Крепостное право не было распространено только в двух регионах – Астраханской области (2,6%) и Краснодарском крае (2,4%). Остальные регионы относятся к зоне высокого (от 25% до 50%) и очень высокого (свыше 50%) преобладания частного крепостного права.

Таблица 2

Крепостное право в регионах российского “православного (библейского) пояса”⁶
(в %)

Область/губерния	Доля русских (2010)	Доля частновладельческих крепостных (1859)
Тамбовская	97	39,9
Липецкая	96	41,1
Нижегородская	95	59
Курская	98	40
Пензенская	87	46,3
Рязанская	95	56,5
Тульская	95	68,9
Брянская	97	42,4
Астраханская	68	2,6
Белгородская	94	33,5
Краснодарский край	88	2,4
Калужская	93	61,8
Воронежская	96	26,9
Костромская	96	57,4
Московская	93	38,8
Ульяновская	74	69,4

Используя данные по доле крепостных на 1859 г. А. Тройницкого для 49 современных регионов, а также переписи населения 2010 г., исследования АРЕНА 2012 г. и дан-

⁶ Оговоримся, что точность данных – приближительна; современные границы областей могут не совпадать с историческими губерниями на 1859 г. Территории современных Брянской, Белгородской, Липецкой областей были разделены между Воронежской, Курской, Орловской, Черниговской, Тамбовской, Рязанской губерниями. Данные по Белгородской обл. высчитывались как среднее между значениями Воронежской и Курской губ.; по Брянской обл. – как среднее между Орловской и Черниговской губ.; по Липецкой – как среднее между Тамбовской, Воронежской и Рязанской губ.; Краснодарский край – данные по Ставропольскому краю; Ульяновская обл. – Симбирская губерния. Для 2010 г. использовались данные Всероссийской переписи населения 2010 г., а для 1859 г. [Тройницкий 1861].

ные о храмах России (<http://www.temples.ru/tree.php>), мы сделали корреляционный анализ с рядом переменных. Результаты показывают, что доля крепостных положительно коррелирует и с долей православных, и с долей русских, и с числом храмов, и с преобладанием “обрядовых верующих” (см. табл. 3). Отметим, что на Севере России, за Уралом и в Сибири крепостных практически не было.

Таблица 3

Корреляция между исторической долей крепостных и некоторыми социально-демографическими показателями в современной России

Преобладание “обрядовых верующих”*	0,558**
Процент положительных ответов, “исповедую православию и принадлежу к РПЦ” (2012 г.)	0,569**
Количество храмов в регионе на душу населения (2016 г.)	0,639**
Русские (2010 г.)	0,442**

Примечания: * Фактор “обрядовые верующие” показывает относительное преобладание в регионе тех верующих, которым наиболее важна “обрядовая часть православной веры: соблюдать религиозные предписания, исповедоваться, молиться”. Рассчитан на основе долей ответов по регионам на 17 вопросов об отношении к религии (АРЕНА 2012); подробнее см. [Ухватова 2017].

** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя), N = 49.

Таблица 4

Сравнение регионов “православного (библейского) пояса” и остальных исторических русских регионов: поддержка власти на выборах 2011–2012 гг.

	“Библейский пояс”	“Неправославный пояс”
Голосование за ЕР (2011 г.)	47,93% T-test = 0,007**	37,73%
Голосование за В.Путина (2012 г.)	62,05% T-test = 0,03*	58,21%
Процент положительных ответов на вопрос “исповедую православию и принадлежу к РПЦ” (2012 г.)	59% T-test = 0,000**	36,31%
Русские (2010 г.)	92,5% T-test = 0,799	91,83%

Примечания. К “православному (библейскому) поясу” относятся 16 регионов: Астраханская, Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Курская, Костромская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Пензенская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Ульяновская области, Краснодарский край. К “неправославному поясу” исторического ядра российского государства мы отнесли 13 регионов: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Новгородская, Орловская, Псковская, Самарская, Саратовская, Ярославская, Тверская обл., Карелия (Олонецкая губерния).

* Значимость на уровне 0,05; ** значимость на уровне 0,01.

Именно регионы с историческим преобладанием частновладельческого крепостного права стали оплотом большевиков в Гражданскую войну, обещавшим крестьянам утвердить их права на помещичьи земли, к тому времени стихийно отобранную. А белые армии и зеленые повстанческие движения искали свою поддержку в основном там, где крепостного права либо не было, либо оно существовало как государственное, то есть вопрос об изъятых помещичьих землях не стоял так остро. Кроме того, эти области составляли историческое ядро Московского государства, для жителей которых идеологически комфортным всегда были поддержка и центральной власти, и основной (православной) конфессии.

Пока это только гипотеза. Возможная критика наших выводов может заключаться в том, что “православный (библейский) пояс” – лишь случайная часть исторического ядра государства (Центральной и Южной России, а также Поволжья), где сконцентрированы русские православные, потомки крепостных. Поэтому необходимо проверить, отличается ли данный “пояс” от схожих регионов соответствующих федеральных округов. Для этой цели мы провели сравнение между двумя группами регионов – “православным (библейским) поясом” и “неправославным поясом”, используя метод Т-теста. Результаты анализа показывают, что различия в поддержке власти на выборах между регионами “православного (библейского) пояса” и остальными историческими русскими регионами – не случайны (см. табл. 4). При этом нет разницы в доле русских, но есть существенная разница в доле верующих.

Справедливо и иное возражение: “православность” и лояльность регионов объясняется не историческими, а современными причинами – высокой долей сельского населения (которое легко включается в патронажно-клиентелистские сети), низким уровнем доходов и безработицей. Мы также сравниваем “православные (библейские)” и “неправославные” регионы исторического ядра по данным показателям, с использованием

Т-теста. Результаты анализа данных Росстата (см. табл. 5) показывают, что регионы религиозного пояса отличаются более высокой долей сельского населения, но разницы в доходах и уровне безработицы не наблюдается. Важность высокой доли сельского населения может еще раз указывать на крепостническое прошлое этих регионов.

Таблица 5

Сравнение регионов “православного (библейского) пояса” и остальных исторических русских регионов: социально-экономические показатели

	“Библейский пояс”	“Неправославный пояс”
Процент сельского населения	32,0%	26,32%
2002 г.	T-test = 0,031*	
2010 г.	31,74%	25,22%
	T-test = 0,009**	
ВРП на душу населения, (руб.)	24188	29648
2000 г.	T-test = 0,111	
2010 г.	170998	173453
	T-test = 0,890	
Безработица, %	9,51%	9,95%
2000 г.	T-test = 0,533	
2010 г.	6,82%	7,42%
	T-test = 0,260	

Примечания: * значимость на уровне 0,05; ** значимость на уровне 0,0.

Эти сравнения позволяют предположить, что отбор регионов в “православный (библейский) пояс” происходил не случайно. Все они относятся к историческому ядру российского государства. Однако исторический центр уже к XVI в. был довольно разнородным. К “православному (библейскому) поясу” принадлежат сельские, преимущественно черноземные, регионы, которые испытали на себе гнет крепостничества несколько в большей степени, чем остальные “исторические” области. Не отличаясь от остальных “исторических” областей доходами, уровнем занятости и долей русских, “библейский пояс” выделяется уровнем поддержки власти, какой бы она ни была. В сельских регионах легче создаются “политические машины”, мобилизующие электорат на поддержку власти [Hale 2003]. Однако объяснение политического поведения лишь различием в доле сельского населения не кажется нам достаточным. Как минимум, остается не ясно, почему на него не в такой степени влияют разница в доходах и религиозности. Добавление

исторической социологии позволяет расширить набор объяснительных механизмов наблюдаемых изменений в электоральной географии России.

Можно также предположить, что религиозный пояс появился на месте исторического ядра страны случайно. В поисках варианта ответа на эту версию мы обратились к опыту наиболее известного “библейского пояса” – в США.

“Библейский пояс” в США

Термин “Библейский пояс” зародился из наблюдений американского журналиста Г.Л. Менкена, который впервые использовал его во время освещения судебного процесса в 1925 г. в Теннесси [Brunn, Webster, Archer 2011]. К нему относятся южные штаты с крайне религиозным населением. Американский исследователь С. Твиди разделяет два библейских пояса: первый – Алабама, Теннесси, Кентукки, Джорджия, Южная Каролина, Северная Каролина и Южная Вирджиния, и второй – Техас, Арканзас, Луизиана, Оклахома, Миссури, Канзас и Миссисипи [Tweedie 1978]. Если проанализировать результаты опросов на религиозные темы, то выявляется, что наиболее религиозны люди, относящие себя к евангелическим протестантам. На втором месте находятся те, кто не причисляет себя ни к какой религии, далее идут протестанты (вне зависимости от цвета кожи), наконец, менее всего на территории “библейского пояса” насчитывается католиков.

“Библейский пояс” достаточно глубоко изучен американскими исследователями. В статье К.Дж. Кларка [Clarke 1990] подробно описывается дискуссия о том, считать ли “библейский пояс” религиозным поясом или данный термин – в большей степени миф. Кларк проанализировал данные о духовенстве, работающем полный рабочий день с 1890 по 1930 г., и показал, что в городской местности на Юге духовенство “перепредставлено”, то есть количество работающих священников на Юге США больше, чем в остальной части страны. При этом, в сельской местности его немногим меньше, но оно работает неполный рабочий день. В свою очередь, “перепредставленное” духовенство играет важную роль в жизни этих штатов. Кларк суммировал общие положения в литературе, которые описывают “библейский пояс”: 1) принятие более-менее буквальной интерпретации Библии; 2) важность опыта превращения, связанного с принятием Иисуса Христа как спасителя от греха; 3) южные баптисты и методисты (а также недоминирующие протестантские конфессии) имеют общее наследие, которое сближает их более, чем с представителями других религий за пределами региона. Один из основных выводов Кларка – важность южных религий в формировании культурных ориентаций и также социальных институтов населения. В целом исследователь считает, что на Юге США сложился определенный пояс регионов, население которых уже многие десятилетия демонстрирует определенную поведенческую модель, опираясь на свои религиозные убеждения.

Южная часть США с 1880 по 1960 г. в большинстве своем поддерживала Демократическую партию как партию, противостоящую Республиканской, одержавшей победу Севера в Гражданской войне, но после выборов 1960 г. предпочтение избирателей изменилось в сторону Республиканской партии. Это объясняется как провозглашением “новой южной стратегии” в 1964 г. Р. Никсоном, которая была нацелена на завоевание южного электората, так и политикой президентов от Демократической партии, направленной на устранение расовой сегрегации на Юге.

Как отмечают источники, религия сыграла важную роль на последних президентских выборах в США. По оценке ресурса Gallup⁷, деятельность Д. Трампа, с предвыборной программой которого связываются многие патерналистские мотивы (защита от наплыва мигрантов, возвращение американскими компаниями основных производств на родину и

⁷ См. электронный ресурс http://www.gallup.com/opinion/polling-matters/207116/religiosity-playing-expected-role-views-trump.aspx?g_source=Bible+belt&g_medium=search&g_campaign=tiles

т.п.), которые не были в должной степени оценены Демократической партией, отвергшей программу Б. Сандерса, поддерживают 51% высокорелигиозного населения, 44% – умеренно религиозного и 32% нерелигиозного населения. А Б. Обаму, поддерживали 43% высокорелигиозного населения и 63% нерелигиозного. Все без исключения наиболее религиозные штаты голосовали за Трампа (см. табл. 6), который практически во всех из них набрал более 50% голосов.

Таблица 6

**Голосование на президентских выборах в США 2016 г.
в наиболее религиозных штатах (в %)**

Штат	Х. Клинтон	Д. Трамп	Доля взрослых, “очень религиозных”
Миссисипи	40,10	57,90	77
Юта	27,50	45,50	64
Алабама	34,70	62,70	77
Луизиана	38,40	58,10	71
Арканзас	33,70	60,60	70
Южная Каролина	40,70	54,90	70
Теннесси	34,90	61,10	73
Северная Каролина	46,80	50,50	65
Джорджия	45,90	51,00	66
Кентукки	32,70	62,50	63
Техас	43,50	52,50	64
Оклахома	28,90	65,30	66
Западная Вирджиния	26,50	68,60	69
<i>США</i>	<i>48,50</i>	<i>46,40</i>	<i>54,70</i>

Источник: <http://edition.cnn.com/election/results/president>; Исследовательский Центр Пью, 2016 <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/02/29/how-religious-is-your-state/?state=alabama>

Как объяснить устойчивость “библейского пояса” в США? Во-первых, южные штаты США были одним из исторических центров страны в момент ее образования; ядро страны имело две половины – Север и Юг. Последний отличался специализацией на крупном экспортном товарном земледелии (хлопок, табак), которое требовало принудительного труда, что довольно скоро привело к массовому использованию рабов, привозимых из Африки. Естественно, рабство сильно повлияло на демографический баланс населения южных штатов – там наиболее высокая доля афроамериканцев.

Во-вторых, высокая религиозность на протяжении столетий была отличительной чертой Юга. Исторически США в целом отличались как религиозной терпимостью, так и религиозностью. Причем Юг стал оплотом англиканской церкви с XVII в. Протестантская религиозность и политическое мессианство наглядно проявились еще во времена “Второго пробуждения” в первой половине XIX в. [Макинерни 2009]. Некоторые исследования показывают связь между религиозностью и неравенством: религия освящает иерархии, лежащие в основе неравенства. Особенно это проявляется в тех регионах, где был сильно развит принудительный труд [Fairbrother 2013]. Наличие рабства свидетельствует о существовании крайне жесткой иерархии в обществе, для легитимации которой необходимы разнообразные институты, в том числе религия и церковь.

В-третьих, на политическую идентификацию Юга сильно повлияла Гражданская война 1861–1865 гг., завершившаяся убедительной победой Севера в главе с президентом-республиканцем А. Линкольном. Только с конца 1960-х гг. там начался массовый

переход избирателей к Республиканской партии, во многом связанный с поддержкой демократами движения за гражданские права в США. То есть изменилась партийная идентификация, но не изменились идеологические предпочтения южан. Они традиционно оказываются наиболее консервативными в вопросах религии, семьи, “традиционных ценностей”, налоговой политики, полномочий федерального правительства. Исторически более консервативные южные штаты противопоставляли себя “либеральному” Вашингтону. Но все же не будем забывать, что южные штаты – один из исторических центров США, который в случае иного развития событий имел бы все шансы стать ядром страны. Поэтому, рассматривая историю “библейского пояса” в США, мы выделяем примерно те же вехи, что и в случае России:

– “библейский пояс” принадлежит к историческому ядру страны: в нем зарождается государственность, он является политическим, экономическим, духовным центром (то, что Юг США сдал свои позиции ядра страны, – в какой-то степени историческая случайность);

– гражданская война – ключевое событие для “библейского пояса”, она определяет его политическую идентичность на десятилетия;

– политическое значение “библейского пояса” определяется соединением консервативных установок и электорального поведения: религиозные избиратели массово отдадут поддержку близкой им по убеждениям политической силе.

Параллели между двумя поясами становятся весьма очевидными: в обеих странах религиозные пояса появляются на месте исторического центра страны, это районы широкого использования принудительного труда (рабства и крепостного права) и связанного с таким типом хозяйства развития патерналистских настроений, концентрированной территориальной поддержки одной из противоборствующих сил в Гражданскую войну, а в современную эпоху – один из оплотов электоральной поддержки ведущей политической силы. Наверное, главный вывод заключается в том, что появление религиозного пояса стоит объяснять историческими и структурными условиями, но не манипуляциями политиков как реакцией на текущий политический момент.

Важный вопрос заключается в том, в каких еще формах, за исключением электоральных, проявляется политизированная религиозность? Можно предположить, что в рассматриваемых регионах, как ответ на запросы населения (избирателей), политики также будут придерживаться более консервативных взглядов по вопросам религии и “сохранения традиционных ценностей”. Если религия как система ценностей и церковь как институт играют столь важную роль, то логично ожидать отличия регионов “библейского пояса” от остальной страны.

В какой степени это обрядовая религиозность, связанная с регулярным исполнением необходимых ритуалов (например, молитва, посещение церкви, пост, исповедь и т.д.), а в какой – активная общественно-политическая позиция (членство в религиозных организациях, волонтерство, участие в общественных кампаниях и т.д.)? Понимание трендов, выявляемых в США, позволит сделать ряд предсказаний для России.

“Библейский пояс” как оплот традиционных ценностей?

Как связана религиозность и социально-демографическая ситуация на региональном уровне? Рассмотрим штаты “библейского пояса” США, используя данные за 2014 г. (см. табл. 7). По показателю рождаемости эти штаты не сильно отличаются от средних по стране. В то же время процент аборт в “библейском поясе” больший, чем в целом по стране. Наивысшие показатели тут у штатов Джорджия (15,7%), Северная Каролина (15,1%), Луизиана (10,8%) и Западная Вирджиния (10,07%). Однако штаты “библейского пояса” на опросах, касающихся отношения к абортам, демонстрируют явную консервативность. Они больше, чем в целом по стране, считают, что аборт должны быть незаконными при любых обстоятельствах (см. табл. 8).

Социально-демографические показатели “библейского пояса” США

Штат	Уровень абортов (2014 г.)	Рождаемость (2014 г.)	Фертильность (2014 г.)	Доля браков (2014 г.)	Доля разводов (2014 г.)	Убийство и непредумышленное убийство, на 100 тыс. чел. (2014 г.)	Заболеваемость ВИЧ/СПИД на 100 тыс. чел. (2015 г.)
Миссисипи	3,8	12,9	64,4	6,9	3,4	8,7	363,8
Юта	4,6	17,4	80	7,3	3,1	2,2	114,9
Алабама	8,3	12,3	61,8	7,8	3,8	5,7	306,2
Луизиана	10,8	13,9	68,4	6,9	2,3	10,2	493
Арканзас	8	13	67	10,1	3,9	5,9	210,4
Южная Каролина	6,4	11,9	61,1	7,6	2,9	6,7	393,5
Теннесси	10,7	12,5	63	8,4	3,8	5,6	295
Северная Каролина	15,1	12,2	61	6,9	3,4	5,0	348
Джорджия	15,7	13	62,2	н/д	н/д	6,0	564
Кентукки	4,1	12,7	65,8	6,9	3,8	3,7	176,7
Техас	9,8	14,8	70,7	6,9	2,7	4,4	357
Западная Вирджиния	10,07	11	60,3	6,7	4,2	4,0	120,2
<i>США</i>	<i>4,3</i>	<i>12,5</i>	<i>62,9</i>	<i>6,9</i>	<i>3,2</i>	<i>4,4</i>	<i>360</i>

Источник: Национальный центр статистики здравоохранения (<https://www.cdc.gov/nchs/index.htm>); ФБР (<https://www.fbi.gov/>); Диагностика ВИЧ-инфекции в США и зависимых районах (<https://www.cdc.gov/hiv/pdf/library/reports/surveillance/cdc-hiv-surveillance-report-2015-vol-27.pdf>).

Что же касается заключения и расторжения браков, то в религиозном поясе США люди заключают брачные союзы немного чаще, чем в целом по стране (6,9); наивысший показатель в штате Арканзас (10,1), а процент разводов немного ниже, чем в целом. Меньше всего разводятся в Техасе (2,7%), а больше всего – в Западной Вирджинии (4,2%). Если мы посмотрим на ситуацию с преступностью в религиозных штатах, то увидим, что средний показатель убийств на 100 тыс. человек по стране ниже (4,4%), чем в большинстве штатов “библейского пояса”. Довольно яркий показатель – уровень заболеваемости ВИЧ/СПИД. Здесь показатели штатов довольно сильно расходятся: в большинстве они в той или иной степени ниже среднеамериканского. В то же время в ряде южных штатов они крайне высоки, что явно говорит о социальном неблагополучии. На основании этих данных можно предположить, что штаты “библейского пояса” США лишь частично следуют идеалам традиционных ценностей. Можно предположить, что политизированная религиозность в “библейском поясе” хотя и влияет на политику в сфере семьи и брака, однако результаты данного влияния довольно далеки от идеализированного образа общества, благочестиво живущего согласно религиозным заветам.

Теперь рассмотрим религиозный пояс в России (см. табл. 9) на основе данных 2014–2015 гг. Данные таблицы говорят о том, что религиозность в указанных регионах не влияет на сферу семьи и брака, по крайней мере, пока. Скорее всего, тут следует говорить о преобладании обрядовой религиозности. И хотя последнее десятилетие РПЦ стала активно участвовать в политике, как выдвигая свои консервативные инициативы

(дискуссии о допустимости аборт, призывы РПЦ к расширению религиозного образования), так и поддерживая выдвигаемые светскими охранителями законопроекты, однако пока ее влияние на политический процесс в указанных регионах еще не столь институционализировано, как на американском Юге. Тем не менее проведенное сравнение двух “библейских поясов” позволяет предположить, что в будущем роль РПЦ в вопросах семьи, брака, сексуального образования может существенно повыситься.

Таблица 8

Отношение к абортам в “библейском поясе” США (2014 г.; в %)

Считаете ли вы, что аборт должны быть законными во всех или в большинстве случаев?		
Штат	<i>Законны во всех / в большинстве случаев</i>	<i>Незаконны во всех / в большинстве случаев</i>
Миссисипи	40	57
Юта	37	60
Алабама	40	56
Луизиана	45	51
Арканзас	39	56
Южная Каролина	46	50
Теннесси	44	52
Северная Каролина	52	43
Джорджия	51	45
Кентукки	41	57
Техас	38	57
Западная Вирджиния	49	48
<i>США</i>	55	41

Источник: Общественный научно-исследовательский институт религии (<https://www.prii.org/>).

* * *

Парадоксальное появление русского “православного (библейского) пояса” на месте бывшего “красного пояса” – совсем не случайность в российской политике. От остальных русских, небогатых регионов исторического ядра российского государства эта область отличается более высокой долей сельского населения, склонного к патернализму, религиозностью и более тяжким наследием крепостничества. В таких регионах легче создавать “политические машины” для мобилизации электората в пользу власти [Hale 2003]. Однако дело не только в неспособности населения сопротивляться административному давлению. Мы считаем, что это – проявление исторической закономерности, воспроизведение ранее существовавших трендов российского “долгого времени”. С проявлением консервативной повестки после 2012 г. у “библейского пояса” возникают дополнительные факторы, способствующие его укреплению. Но вполне может сложиться и новый “красный пояс”. В него войдут регионы с обостренными социальными проблемами, включая, как правило, промышленные регионы в восточной части страны. Это, в частности, было отмечено рядом обозревателей в ходе подготовки к выборам Государственной думы 2016 г. (<http://www.rbc.ru/politics/29/01/2016/56aa28279a794705c07f2d32>>).

Социально-демографические показатели в наиболее православных регионах России

Регион	Число абортов на 1000 женщин	Суммарный коэффициент рождаемости	Браки на 1000 населения	Разводы на 1000 населения	Заболееваемость ВИЧ/СПИД на 100 тыс. чел. 2014 г.	Преступность, 2015 г. Темпы прироста по сравнению с 2014 г. в %
Тамбовская область	23	1,49	7,2	4,6	103,5	15,33
Липецкая область	24,3	1,66	7,9	4,5	86	16,8
Нижегородская область	27,2	1,59	8,3	4,3	419,2	6,79
Курская область	29,1	1,7	8,4	3,9	93,3	7,36
Пензенская область	24,9	1,53	7,3	3,3	211,9	2,97
Рязанская область	21,8	1,6	8,1	4,1	227,1	7,33
Тульская область	20	1,47	7,7	5	401,8	7,48
Брянская область	31	1,56	8,3	5,8	152,6	1,3
Краснодарский край	19,7	1,81	8,9	5,0	199,2	8,83
Белгородская область	14,4	1,54	8,5	5	81,9	10,46
Воронежская область	20,9	1,47	8	4,8	59,9	8,57
Калужская область	25,6	1,69	8,4	5	195,5	15,33
Астраханская область	19,5	1,97	8,2	4,6	313	16,8
Костромская область	32,1	1,87	8,4	4,5	73,1	6,79
Московская область	19	1,70	8,7	4,8	542,4	-2,10
Ульяновская область	22	1,71	7,8	4,2	836,6	6,70
<i>Россия</i>	<i>25,9</i>	<i>1,75</i>	<i>8,4</i>	<i>4,4</i>	<i>512,8</i>	<i>8,6</i>

Источник: Федеральная служба государственной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#); ВИЧ-инфекция, Информационный бюллетень № 40, 2015 (http://www.hivrussia.ru/files/bul_40.pdf); Состояние и динамика преступности в регионах России (https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf).

Скорее всего, “православный (библейский) пояс” в ближайшие годы станет одним из территориальных плотов российского политического режима. Это может проявляться, как минимум, по двум направлениям. Во-первых, в электоральном плане там будут поддерживать партию власти и режим в целом. Если мы подсчитаем “вклад” голосов избир-

рателей из 16 регионов этого “пояса”, отданных за Путина, на президентских выборах в 2012 г., то он составит примерно 23%. Цифра не решающая, но ею не стоит пренебрегать. Во-вторых, настроения здесь будут поддерживать (а отчасти – инициировать) консервативную повестку российских властей, ключевым проводником которой является РПЦ.

Сравнение с ситуацией в США, с нашей точки зрения, не только помогает лучше написать российский случай в более широкий контекст, с интересными историческими параллелями – основание государства, рабство/крепостное право, Гражданская война. Оно позволяет предположить направления эволюции данного пояса. Рост религиозности и усиление влияния РПЦ не только станет влиять на мобилизацию консервативного электората в этом “поясе”, но и придавать дополнительный вес охранительной позиции РПЦ по вопросам семьи и брака, культурной политики, политики памяти. Параллельно с этим может происходить рост религиозных организаций, консервативных и нелиберальных общественных структур (как под патронажем власти, так и без него). При таком сценарии “православный (библейский) пояс” способен стать одним из центров притяжения нелиберальной части гражданского общества в России. В этом смысле опыт Юга США может служить определенным ориентиром для российских охранителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Козлов Н.Д. (2008) Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными // ПОЛИС. № 4. С. 8–26.
- Лункин Р.Н. (2008) “Русские” регионы России: степень православности и политические ориентации // Социологические исследования. № 4. С. 27–36.
- Макинерни Д. (2009) США. История страны. М.: Эксмо.
- Нефедов С.А. (2005) Об экономических предпосылках русской революции // Общественные науки и современность. № 3. С. 83–96.
- Тройницкий А. (1861) Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб.: Б/и.
- Гуровский Р.Ф. (1999) Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности // Политика. № 4.
- Ухватова М.В. (2017) Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект // Вестник Пермского государственного университета. № 4. С. 26-48.
- Brunn S. D., Webster G. R., Archer J.C. (2011) The Bible Belt in a changing south: Shrinking, relocating, and multiple buckles // Southeastern Geographer. No. 4. Pp. 513–549.
- Clarke C.J. (1990) The Bible Belt thesis: An empirical test of the hypothesis of clergy overrepresentation. 1890–1930 // Journal for the Scientific Study of Religion. Pp. 210–225.
- Fairbrother M. (2013) The Political Economy of Religiosity: Development and Inequality Reconsidered. No. 2. Working Paper. (<http://seis.bris.as.uk/~ggmhf/research.html>).
- Hale H.E. (2003) Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy // Post-Soviet Affairs. No. 3. Pp. 228–263.
- Tweedie S.W. (1978) Viewing the Bible belt // The Journal of Popular Culture. No. 4. Pp. 865–876.

From “the Red Belt” to “the Bible Belt”: Historical Roots of the Shift in Russian Political Geography

A. *SHCHERBAK**,
M. *UKHVATOVA***

* **Shcherbak Andrey** – senior research fellow, laboratory for Comparative Social Research, National Research University “Higher School of Economics” (NRU-HSE); assistant professor, Department of Political Science NRU HSE-St.Petersburg. Address: 55-2 Sedova str., St.-Petersburg, Russia 192171. E-mail: ascherbak@hse.ru.

** **Ukhvatova Maria** – postgraduate student, Department of Political Science, NRU-HSE in St. Petersburg. Address: 123A, Griboedova Channel, St.-Petersburg, Russia 190068. E-mail: maria.ukhvatova@gmail.com.

Abstract

The paper aims to explore the relationship between religion and politics in Russia from a spatial perspective. The rise of political influence of the Russian Orthodox Church can be partly explained by the alliance of the Church and the Kremlin: the latter openly declares its' commitment to "traditional values" and the former demonstrates unconditional loyalty to the regime. Unsurprisingly, one can observe the increase of Vladimir Putin's electoral support among the most religious Orthodox regions in the recent elections. Paradoxically, new Russian "Bible Belt" is made of formerly "red", communist regions. We argue that it is not a coincidence. Using a comparative historical approach, we demonstrate that those regions of Central, South and Volga Russia belong to the historical core of the Russian state. Thus, the rejection of communism in the Center would lead to the rejection in the core as well; the Kremlin's conservative agenda was first of all accepted right there. The comparison with the most studied "Bible Belt" – in the protestant regions in the US South – reveals very similar historical background in the making of the religious belts: belonging to the historical core, prevalence of exploitive labor, the Civil War's cleavage and political realignment. Finally, we examined some recent social-demographic indicators and revealed how political religiosity may affect not only electoral behavior but also highly debated family, marriage and sexual education policy in those belts.

Keywords: religion, political geography, "Bible Belt", elections, historical approach.

REFERENCES

- Brunn S.D., Webster G.R., Archer J.C. (2011) The Bible Belt in a changing south: Shrinking, relocating and multiple buckles. *Southeastern Geographer*, no. 4, pp. 513–549.
- Clarke C. J. (1990) The Bible Belt thesis: An empirical test of the hypothesis of clergy overrepresentation. 1890–1930. *Journal for the Scientific Study of Religion*, no. 2, pp. 210–225.
- Fairbrother M. (2013) *The Political Economy of Religiosity: Development and Inequality Reconsidered*. Working Paper. (<http://seis.bris.as.uk/~ggmhf/research.html>).
- Hale H.E. (2003) Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy. *Post-Soviet Affairs*, no. 3, pp. 228–263.
- Kozlov N.D. (2008) Politicheskiye kul'tury regionov Rossii: uravneniye so mnogimi neizvestnymi. [Political cultures of Russian regions: the equation with many unknown]. *POLIS*, no. 4, pp. 8–26.
- Lunkin R.N. (2008) "Russkiye" regiony Rossii: stepen' pravoslavnosti i politicheskiye orientatsii ["Russian" regions of Russia: the degree of orthodoxy and political orientations]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 27–36.
- McInerney D. (2009) *USA. Istoriya strany*. [History of the country]. Moscow: Eksmo.
- Nefedov S.A. (2005) Ob ekonomicheskikh predposylkakh russkoy revolyutsii [About economic preconditions of Russian revolution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 83–96.
- Troynitskiy A. (1861) *Krepostnoye naseleniye v Rossii po 10-y narodnoy perepisi* [Serfs in Russia according to the 10th national census]. St.-Petersburg: B/i.
- Turovskiy R.F. (1999) Parlamentskiye vybory 1999 g.: regional'nyye osobennosti [Parliamentary Elections 1999: Regional Features]. *Politiya*, no. 4, pp. 102.
- Ukhvatova M.V. (2017) Religiya i elektoral'noye povedeniye v Rossii: regional'nyy aspekt [Religion and Voting Behavior in Russia: a Regional Aspect]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 26–48.
- Tweedie S.W. (1978) Viewing the Bible belt. *The Journal of Popular Culture*, no. 4, pp. 865–876.